

ИЗДАНИЕ СИБИРСКОГО ЦЕНТРА

Ч 21
Г. 70

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
"ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ"

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ "МОБИЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ"

ГОРОДОК.ru

Новосибирский Академгородок
на пороге третьего тысячелетия

Воспоминания, размышления,
проекты

Новосибирск 2003

ИЗ ДАНИИ – В СИБИРЬ

*В.А. СИДОРОВ,
член-корреспондент РАН
(Институт ядерной физики СО РАН)*

Пронеслись, пролетели сорок лет жизни в Академгородке. Не успеваешь опомниться, как настоящее становится прошлым. Кажется, только вчера говорил с живым Будкером, – и вот уже его бронзовый лик смотрит на входящих в Институт ядерной физики. Скульпторы Лемпорт и Силис, которых мы просили сделать мемориальный барельеф, знали Будкера, но вначале отказывались от этой работы. Лишь увидев позднюю фотографию Андрея Михайловича, где он похож на библейского Моисея, с азартом взялись за дело. Мудрая, лукавая усмешка в глазах покорила их...

Впервые я увидел этого замечательного человека в «ведомстве» академика Курчатова (тогда это называлось не Институтом атомной энергии, а ЛИПАНОм – Лабораторией измерительных приборов Академии наук). Андрей Михайлович заведовал там небольшим научным отделом. А я был «приписан» к ЛИПАНу со 2-го курса МГУ. После защиты кандидатской диссертации размышлял, чем заняться дальше. В этот-то момент, когда я стоял на перепутье, однокурсник посоветовал поговорить с Будкером. Я уже прослышал, что он собирается ехать в Сибирь. Перед первым разговором прочел о его намерении заняться встречными пучками. Эта идея давно «витаала в воздухе», но казалась неосуществимой.

Раньше физики изучали строение ядра так: разгоняют частицу, ударяют о неподвижную мишень – и смотрят, что получится. Если частицу разогнать до скоростей, близких к скорости света, она станет «тяжелой». А частица в покое, играющая роль мишени, остается «легкой». Когда «тяжелая» с разгона ударит «легкую», обе просто покатятся дальше. Ожидаемого глубокого проникновения в материю не получается. А если направить навстречу друг другу и разогнать, «утяжелить» обе частицы? Тогда в удар вложится так много энергии, что можно проникнуть гораздо глубже в недра материи.

Будкер и американские исследователи из Калифорнии практически в одно время пришли к выводу, что эксперименты со встречными пучками возможны. Одновременно стали строиться две установки на электронах – в США и в «курчатовском институте». Потом у Будкера появилась новая идея – о встречных пучках электронов и позитронов (при столкновении эти пары аннигилируют – и тут можно ожидать рождения новых частиц).

Интересна реакция Курчатова на это предложение. Он попросил отзыв у нескольких крупных ученых, и те ответили резко отрицательно: мол, нереально, фантазия. Но по тому азарту, с каким они отвергли идею Будкера, Курчатова понял: замысел интересный, стоящий. Поэтому поддержал, «благословил» новый проект. Электронную установку решили запустить в «курчатовке», а электрон-позитронную – в новосибирском Академгородке. И вся команда

Будкера разделилась: одни оставались при московской установке, другие уезжали в Сибирь.

Мне Андрей Михайлович предложил войти в московскую команду. Я возразил: «Хочу заняться новым, интересным делом и знаю, что все самое интересное вы увозите в Сибирь». – «Так поехали!..» – парировал Будкер. – Только запомни вот что: сначала ты отказался остаться в Москве, а потом я тебе предложил ехать в Сибирь». Суть его забавного условия я понял позже, когда узнал: руководители поделили заочно всех сотрудников; меня решили оставить в столице, и Будкера просили не агитировать за Сибирь.

Как раз тогда я поехал в командировку в Алма-Ату и на обратном пути заехал в Новосибирск. Это было в октябре 1961 года. Я посмотрел на строившееся здание института, понаблюдал за подготовкой к монтажу электрон-позитронной установки. В разговоре с Будкером не постеснялся раскритиковать все в пух и прах: мол, понапрасну делают второй генератор... Видно, Будкеру понравился мой безоглядный «критический задор». «Переезжай сюда поскорее! – горячо откликнулся он. – Беру тебя завлабом над всем электрон-позитронным хозяйством. А если ты откажешься, мне придется поставить во главе этого дела вчерашнего студента».

Андрей Михайлович имел в виду своего ученика Александра Скринского, которого очень ценил и который впоследствии стал его преемником, директором ИЯФа. А тогда ему было всего двадцать пять лет, мне – на пять лет больше. Эта разница казалась огромной, рядом со «вчерашним студентом» я чувствовал себя патриархом. Без колебаний переехал в Академгородок и стал завлабом, а Скринский – моим заместителем. Потом из одной нашей лаборатории сделали две: Скринский отвечал за ускорители, а я – за эксперимент. Много лет мы работали параллельно. Теперь уже оба патриархи.

Чем больше я узнавал Будкера, тем больше поражала его самобытность. Такого не сделаешь «винтиком» государственной машины! В нем все нестандартно, даже сложное еврейское имя-отчество: Герш Ицкович. Для простоты он назвался Андреем Михайловичем. Обладал незаурядным чувством юмора, знал множество анекдотов и умел их рассказывать. Его собственные изрече-

ния превращались в фольклор, их повторял весь Академгородок. Например, вспоминая какой-нибудь факт своей биографии, он добавлял: «...две (три) жены тому назад». Видимо, жены становились чем-то вроде верстовых столбов на жизненном пути влюбчивого Будкера. И фантазер, мечтатель он был выдающийся. Некоторым его прожектам позавидовали бы популярные футурологи. Он говорил, что когда-то мечтал возглавить такой колхоз-миллионер, где каждый тракторист и каждая доярка были бы миллионерами.

В России нет ни одного научного института, похожего на наш. Потому что создал его человек, отличавшийся уникальным стремлением к независимости. Будкер хотел быть независимым от всего и от всех – от ученого начальства, от промышленности, даже от правительства. Он и из Москвы уехал, чтобы ему не мешали делать все по-своему. И мы построили здесь первую в мире электрон-позитронную установку.

Будкер хотел, чтобы ИЯФ имел такие собственные мастерские, в которых можно было бы быстро изготовить любое оборудование (сейчас в опытном производстве института работает больше 1000 человек). Довольно скоро пришло понимание: по-настоящему независимым институт станет лишь тогда, когда начнет зарабатывать деньги, а не выпрашивать их у правительства. А как «делать деньги» при нерыночной экономике?

В 1966 году Будкер получил от тогдашнего Предсовмина Косыгина уникальное разрешение. Фактически нам позволили получать прибыль. То есть зарабатывать на договорах с предприятиями, продавать свою продукцию по договорным ценам. Андрей Михайлович убедил главу правительства, что его нововведения помогут «продвинуть» науку и сделать много полезного для страны.

В то время наш институт зарабатывал, в основном, на изготовлении источников радиации – электронных ускорителей. Они были нужны в промышленности для так называемых радиационных технологий. Использовали их для облучения полиэтиленовой кабельной изоляции, становившейся более термостойкой и прочной. Применяли и для модификации искусственных кож, для очистки воды, для дезинсекции зерна и стерилизации медицинских

инструментов. Деньги от продажи ускорителей нам разрешили использовать по своему усмотрению. У ИЯФа не было ограничений ни по штату, ни по фонду заработной платы. Институт стал быстро расти; сотрудникам повышали зарплату, для них строили жилье. Около половины прибыли мы вкладывали (и вкладываем сейчас) в фундаментальную науку.

Как удалось Будкеру сколотить коллектив, единую команду из двух с лишним тысяч человек? Наверное, много значила его демократичность. Все гости ИЯФа обращают внимание, что у директора и его заместителей нет традиционной приемной – «предбанника», с секретаршей, охраняющей «доступ к телу». Так повелось с легкой руки нашего первого директора. Он говорил: «Обычно административный персонал ближе к директору и к нему обращен лицом, а к сотрудникам – задом. Надо, чтобы научные сотрудники были ближе к директору, чем администрация. Тогда чиновники будут обращены лицом не только к директору, но и к сотрудникам». Его кабинет был открыт для всех, сюда мог войти любой и вмешаться в разговор. Конечно, не всем хватало на это смелости.

По-моему, самым важным изобретением Будкера стал круглый стол – символ гласности. Уже почти сорок лет ежедневно в 12.00 за этим столом собираются ведущие сотрудники института и за чашечкой кофе обсуждают все что угодно – от анекдотов и теленовостей до научных и организационных проблем. Тут можно поспорить, поссориться и помириться. Чтобы неформальное общение не превращалось в собрание, за столом собирается не больше 20–30 человек. В понедельник приходит ученый совет, а в остальные дни недели – его секции. Всего в эти встречи вовлечено около 150 человек. Час предобеденного вольного общения сплачивает институт, усиливает «чувство коллектива», «чувство единой команды».

Идея круглого стола соответствовала натуре Андрея Михайловича. Он не был ни «книжным ученым», ни «кабинетным затворником». Черпал знания любого рода только в общении (иронизируя по этому поводу, его учитель – академик Мигдал сказал однажды, что Будкер даже физику знает только «понаслышке»).

И принципиальные решения Будкер принимал после дискуссий, обсуждений, неформальных бесед. Немало идей родилось во время вечерних прогулок с друзьями и сотрудниками. Они часами прохаживались возле его коттеджа и спорили, спорили...

С тех пор многое изменилось в стране и Академгородке. А ИЯФ сохранил свой первоначальный облик, свои принципы и правила. Когда-то на нас показывали пальцем: это же капиталистический институт в социалистической стране! А теперь ИЯФ — социалистический институт в капиталистической стране. Почему социалистический? Потому что 2600 работников ИЯФа и сейчас, в эпоху индивидуализма и конкуренции, остаются цельным коллективом, единой командой. У нас нет никаких дочерних фирм. Все деньги, заработанные по договорам и контрактам, поступают через бухгалтерию в «общий котел», в распоряжение дирекции и ученого совета. И по-прежнему неважно, кто зарабатывает на прикладных темах и кто только тратит деньги на фундаментальные исследования. Важно, чтобы и те и другие хорошо работали и чтобы не терялось взаимопонимание. Зарплата у «прикладников» и у «фундаменталистов» всегда была примерно одинаковая (сейчас — в среднем около десяти тысяч рублей). Все понимают: деньги в институте зарабатывают «на науку». А сколько институтов развалилось из-за того, что там не было единой команды! Распались многие московские НИИ, где работало больше людей, чем в ИЯФе. Теперь ИЯФ — самый крупный научный институт в Российской академии наук.

Разумеется, не обошлось и у нас без потерь. Большой утратой стал отъезд ученых за границу. Мы потеряли около 150 сотрудников. Две трети уехали в США, остальные — в другие страны Запада. Мы с горечью шутим: безопаснее сотрудничать с Японией — там наши ученые не останутся.

ИЯФ постарел, хотя и не так сильно, как другие институты. Когда-то я в свои тридцать лет был старше всех в ИЯФе (не считая Будкера), а сейчас у нас работают люди всех возрастов. Есть даже главный научный сотрудник, которому за восемьдесят. Он ровно на десять лет старше меня. Недавно мы с ним вместе, в один день отмечали в институте наше «стопятидесятилетие».

И молодежи у нас хватает. Даже в наше сложное, прагматическое время ежегодно в лабораториях появляется около пятидесяти новых студентов НГУ (так в НГУ воспроизвели модель Физтеха — студенты младших курсов приобщаются к науке, начинают работать в академических институтах). Половина этих студентов потом поступают в нашу аспирантуру; больше половины аспирантов оседают в ИЯФе.

Зарубежные контракты приносят нам основные заработки. Делаем уникальное оборудование для научных лабораторий нашего профиля. В этом у ИЯФа нет конкурентов. Здорово выручили нас наши мастерские! Самый крупный наш заказчик — Международный центр ядерных исследований в Женеве.

Вряд ли ИЯФ бы выжил, если бы рассчитывал только на заказы российской промышленности, с которой мы раньше интенсивно сотрудничали. До эпохи реформ изготовили для отечественных заводов почти сто ускорителей, а за минувшие десять с лишним лет — только один (для стерилизации разовых медицинских шприцев). Зато ИЯФ немало сделал для российского здравоохранения, хотя это и не принесло нам больших прибылей. Наши малодозные рентгеновские установки, которые в несколько раз дешевле зарубежных, работают во многих больницах от Калининграда до Сахалина. Освоено их серийное производство в Орле, осваивают также в Бердске и на одном из уральских заводов.

Совсем нет заказов на новое оборудование для российской науки. А в свое время мы немало сделали для модернизации исследований. Например, оборудовали и запустили в «материнском» Институте атомной энергии имени Курчатова мощную установку синхротронного излучения (правда, директор института, ставший министром атомной энергетики, в одной из газетных статей почему-то приписал эту крупную заслугу московским физикам).

Наши фундаментальные лаборатории продолжают заниматься встречными пучками. Думаю, этот метод исследования материи неисчерпаем. Одну из электрон-позитронных установок модернизируем, увеличивая ее энергию. Жаль, что не удалось построить установку на линейных встречных пучках. Это одна из последних идей Будкера. Для строительства огромного ускорителя длиной в

несколько километров требовались колоссальные средства. Тем не менее удалось получить поддержку правительства. Но запротестовало Сибирское отделение Академии наук: мол, ИЯФ и так большой, он задавит весь Академгородок. И проект перенесли в Подмоскovie, в Протвино. Решили разместить там главный центр физики высоких энергий. В Протвино собирались строить кольцевой ускоритель на встречных пучках. Накануне перестройки этот проект соединили с будкеровским. До сих пор в Протвино существует странная структура – филиал нашего института. От грандиозного проекта кольцевого ускорителя остался только заброшенный двадцатикилометровый туннель, а к строительству линейного так и не приступили.

Установка на линейных встречных пучках все же будет построена. Но не в Сибири и не в России. Разрабатывается международный проект в Германии и в США.

Руководители Сибирского отделения ревниво относились к нашему крупногабаритному институту. Считалось, что ИЯФ «съедает» слишком много денег. Не нравилось, что мы завели свои правила и свое «натуральное хозяйство», жили автономно. Хотя, может, благодаря этой автономии ИЯФ выстоял при всех общероссийских кризисах. И госбюджетных средств, между прочим, «съел» не очень много. Лишь пятую часть своих расходов мы покрываем деньгами, полученными от Сибирского отделения, да еще около 10% берем из фондов и на гранты из госбюджета. А 70% средств зарабатываем сами. Кто не слышал изречение: «Ученый удовлетворяет собственное любопытство за государственный счет»? А физики нашего института удовлетворяют свое любопытство, в основном, за собственный счет.

Хорошо, что наш ИЯФ находится не в крупном городе, а в Академгородке. По-моему, в большом городе невозможно заниматься наукой – слишком много суеты. А здесь, несмотря на «побочные» конфликты и трения, сохранялась относительно благоприятная атмосфера для интеллектуальных занятий. Тут легче, чем где бы то ни было, налаживаются контакты между разными науками (физики-ядерщики проводят исследования вместе с биологами, химиками, археологами; намечается сотрудничество и с

другими учеными). Общее состояние новосибирского Академгородка лучше, чем у столичных НИИ и у всей российской науки. По-моему, основатели сибирской академической науки выбрали правильный стратегический курс. Не заблудиться бы нам в нынешнем безвременье, не растерять бы первоначальный настрой...

Жаль, что среди современных российских лидеров-реформаторов не нашлось подобных Будкеру и Лаврентьеву-старшему. Может, меньше натворили бы глупостей и не развалили бы все, чем держалась страна.

На мой взгляд, неправильно реформируют образование. Создается впечатление, что тут все хотят перевернуть «вверх дном». Но общеизвестно, что наша система годилась для подготовки ученых, специалистов высокого класса, способных решать сложные творческие задачи. Может, похуже готовили рутинных исполнителей, профессионалов среднего звена, которые играют важную роль в нынешней экономике. Нужно адаптировать образование к переменам, не губя прежние ценные качества и устои.

И реформы в российской экономике начались с разрушения, с воровской приватизации крупных предприятий и даже целых отраслей. А разве те, кто получил под свой контроль колоссальные ресурсы, умнее всех других или больше сделали для страны? Можно ли надеяться, что они будут больше думать о стране, чем о собственных прибылях?

Мудрее перестраивают все в Китае, где я часто бываю. непонятно, почему в нашей прессе почти не пишут об этом и даже российские коммунисты не используют в своей пропаганде такой козырь. Ведь Китай прогрессивно развивается, сохраняя однопартийную систему. Смена политического руководства происходит там сейчас плавно, без «культурных революций» и прочих потрясений. То ли китайцы лучше нас усваивают уроки истории, то ли им больше повезло на правителей. И в экономике обошлись без «шокотерапий», подрывающих здоровье народа. «Элементы рынка» вначале появились в сельском хозяйстве и в мелкой обрабатывающей промышленности, а крупную оставили под контролем государства. Об успехах их экономики можно судить по обилию и

разнообразие китайских товаров на международном рынке. Кажется, будто китайцы кормят, обувают и одевают все население планеты. А как быстро они все строят и благоустраивают! В нашей стране дом и теперь могут строить годами, а в Китае при мне за две недели был снесен старый дом (его аккуратно разобрали по частям и, наверняка, все раздробили, переплавили, переработали и снова использовали, а не выбросили на свалку) и на этом месте устроен сквер с газонами и цветниками.

Изменились не только китайские города. Изменился народ. Вместо прежнего подобострастного отношения к «белым» (американцам и европейцам) – подчеркнутое самоуважение, чувство собственного достоинства. А трудолюбие осталось прежним. Создается впечатление, что китайцы совсем не отдыхают.

Можно сказать, Китай помогает выжить ИЯФу. За прошлое десятилетие мы изготовили двадцать ускорителей для китайских заводов. Теперь делаем и оборудование для китайских исследовательских лабораторий. В этой стране начали основательно финансировать науку. Полтора десятилетия назад тамошним ученым платили (в пересчете на доллары) в два-три раза меньше, чем ученым России. А сейчас зарплата китайского ученого в два-три раза больше, чем у российского. При этом китайские ученые с почтением относятся к российской науке. Один пекинский профессор даже назвал меня «учителем» – оказывается, главным учебником для него стала книга «Спектроскопия быстрых нейтронов», которую я написал много лет назад в соавторстве с бывшим сокурсником Борисом Рыбаковым.

В современном Китае нам стоило бы поучиться, как переустраивать экономику и политику, не разрушая традиции и устои (начав свою перестройку с уровня вопиющей нищеты, китайцы теперь по валовому продукту на душу населения приближаются к нам). Что же касается наиболее привлекательного устройства общества, то, по моему мнению, примером могут служить страны Скандинавии. Неудивительно, что знакомый швед, который долго работал в США и мог там остаться, все же вернулся в Швецию, хотя его зарплата здесь в два раза меньше. Объяснил свой выбор так: «В Швеции мои дети получают бесплатное образование, и лечат

здесь бесплатно». В Швеции, Норвегии, Дании государство работает на благо общества, а не наоборот. Там не считают социальные гарантии «иждивенчеством». И науку в этих странах ценят не меньше, чем сорок с лишним лет назад, когда я работал в институте Нильса Бора.

Это один из самых интересных эпизодов в моей биографии. В конце пятидесятых годов прошлого века молодому советскому физика не просто было выбраться за границу даже в кратковременную командировку. А меня отправили на полтора года в Данию, в Копенгаген, в международный институт знаменитого ученого, которого боготворили все физики.

Думаю, излишне объяснить, почему мне улыбнулась судьба. Это случилось до переезда в новосибирский Академгородок, когда я еще работал в ЛИПАНе у академика Курчатова. Самоуверенности мне было не занимать: в свои 27 лет добился заметных научных результатов; меня даже включили в делегацию советских физиков, собиравшихся в Париж на международную конференцию. Там планировался мой доклад. До отъезда остался месяц, и я сутками не выходил из циклотронной лаборатории, уточнял детали эксперимента, о котором должен был докладывать. Однажды после полуночи в лабораторию зашел сам Курчатов. Он жил на территории института и обычно прогуливался вечерами. Заинтересовавшись нашей ночной работой, Курчатов стал допытываться, что и как мы делаем. Спросил, перейдя на «высокий штиль»: «А какой будет толк от этого эксперимента для познания ядерных сил?» – «Никакого толку!» – ответил я с раздражением. Я был «на взводе»: что-то не ладилось в электронике. «Зачем же ты тут время проводишь?» – «Это нужно спросить у начальства».

Как отреагировал бы «среднестатистический» руководитель на непочтительность, дерзость пусть даже способного молодого сотрудника? Устроил бы разнос. А Курчатов наутро велел своей секретарше разыскать меня и сказал по телефону: «Хочу послать тебя к Бору. Там узнаешь, для чего делают эксперименты». Как раз в тот момент он получил письмо от Нильса Бора, предлагавшего прислать в его международный институт молодого физика. Бор считал, что физики, участвовавшие в создании современного ору-

жия, в долгу у человечества и обязаны искупать свою вольную и невольную вину, способствуя мирным международным контактам.

Перед отъездом в Копенгаген меня вызвали в ЦК КПСС и выдали потрясающую инструкцию: одному на улицу не выходить, в несанкционированные контакты не вступать. «Но я же еду в Данию один на полтора года и не могу там работать, ни с кем не общаюсь!» – «Подписывайте! – хмуро сказал инструктор. – Не сочинять же для вас особую инструкцию!» Так молодому физику сделали прививку от «тлетворного влияния Запада». Но я был непуганый и в Копенгагене быстро забыл обо всех запретах.

На Нильса Бора я смотрел как на живую икону. Время от времени он устраивал приемы и обеды для «свежих», недавно приехавших иностранцев. Так и я побывал у него дома. А повседневное руководство международным институтом вел его сын, ныне Нобелевский лауреат. В этот институт съезжались на временную работу ученые из разных стран. Особенно много американцев (в американской науке действовало такое правило: седьмой год работы в институте ученый мог провести в своеобразной творческой командировке, отправиться в любую страну). Я изучал там тепловые спектры протонов. А вернувшись в «курчатовку», провел аналогичные эксперименты со спектрами нейтронов и, сопоставив эти результаты с полученными в Копенгагене, написал кандидатскую диссертацию. Так что полтора года занятий в институте Нильса Бора стали для меня чем-то вроде аспирантуры.

Эти месяцы много дали для понимания жизни. Ведь я попал в другой мир, о котором в нашей стране было ничего не известно. И старался узнать его как можно больше. Посещал молодежный клуб, где собирались студенты и недавно окончившие вуз (по субботам танцуйки, иногда – серьезные семинары). Вечерами катался по Копенгагену на велосипеде, который оставил мне Спартак Беляев (теперь академик Беляев), работавший в институте Бора до меня. Если забывал включить фонарик, меня останавливал полицейский, строго напоминал о «правилах движения». Видя, что я не понимаю по-датски, переходил на английский, просил показать документы. А когда я объяснял, что работаю в институте Бора, любезно прощался и больше ничего не спрашивал.

Нильс Бор считался в Дании вторым человеком после короля. Жил он на территории Карлсбергских пивоварен. Там ему построили коттедж, предоставили автомобиль с шофером. Я поразился, что датские пивовары так покровительствуют науке. Не понимал тогда, что они просто делают себе рекламу, «раскручивают» свою продукцию. В Дании была еще одна крупная пивоваренная компания – Тьюборг. Но у местной интеллигенции считалось неприличным пить пиво от Тьюборга. Только Карлсберг!

Меня не шокировало изобилие в датских магазинах, потому что магазинами я не интересовался. Поразило другое – открытость общения. В Дании говорили и жили намного свободнее, чем в нашей стране. Датчанам и гостям из западных стран тоже было интересно общаться со мной. «О том, о сем», об устройстве жизни в разных странах мы говорили больше, чем о науке. На семинаре, где обсуждали доклад о моем эксперименте, я пошутил: впервые говорю не о политике, а о физике.

Я очень удивился, когда один молодой датчанин попросил никогда не звонить ему с моего «домашнего» телефона. Он сказал, что мой телефон наверняка прослушивается. Мне-то сначала показалось, что в Дании нет подобного надзора за частной жизнью!

Запомнился случай, который произошел со мной и с только что приехавшим в Копенгаген советским физиком Поповым. За несколько дней мы проехали на велосипедах через всю Данию. Решили заночевать в деревеньке, нашли что-то вроде постоянного двора. Мы не говорили по-датски; жестами показали хозяйке, что хотим «ням-ням» и «бай-бай». Она принесла журнал для регистрации гостей и очень удивилась, когда я написал по-английски, что мы – из СССР. Наутро, едва мы сели завтракать, появился человек в штатском и сказал, что он из секретной полиции. Примчался из ближайшего городка, куда сообщила о нас хозяйка. С утра пораньше ловить шпионов... Мы пережили несколько неприятных минут, пока господин выяснял, какие у нас планы и почему я не захватил с собой служебный паспорт. Паспорт просто не помещался в карман. Подозрения полицейского рассеялись, только когда я произнес волшебное имя «Бор». Господин в штатском прекратил расспросы, вежливо раскланялся и исчез.

И советское государство неусыпно следило за моим поведением в Дании. Я ощутил это, когда собирался на международную конференцию в Лондон. Институт Бора включил меня в состав датской делегации. Планировали отправиться в Лондон на пароходе. Вдруг мне позвонила секретарь советского посольства и игривым тоном назначила свидание. Я знал, что это означает: нужно срочно явиться к послу. Посол строго сказал: из Москвы не прислали разрешение на вашу поездку в Англию с датской делегацией. Я недоумевал: какое еще нужно разрешение, если я сообщил о предстоящей поездке Курчатову и получил «добро»? Но посол приказал мне вылететь в Москву и оттуда отправиться на конференцию в Лондон с советской делегацией. Пришлось из-за «высокой политики» соврать датчанам, будто хочу перед конференцией слетать домой. А в Москве начались недоразумения. Советская делегация улетела в Лондон, а обо мне словно забыли. Прошла неделя, другая... Курчатов в командировке, никто мной не интересуется, никуда не вызывают. Болтаюсь неприкаянный, с заграничным паспортом... Наконец, появился Курчатов и пообещал все выяснить. Через пару дней сказал: «А посол-то твой сука!» Показал телеграмму от посла в Москву: такой-сякой Сидоров вел себя как несоветский человек, пытался самовольно уехать в Англию, поэтому пришлось срочно выслать его из Дании... После вмешательства Курчатова в ЦК сменили гнев на милость: «Мы вам верим. Подумайте, как пристойно вернуться в Данию». Я предложил: сделаю вид, будто задержался в СССР, чтобы участвовать в организации первой в нашей стране международной конференции физиков-ядерщиков в Киеве. Тут же меня отправили в Киев, чтобы я там «засветился» и зарегистрировался как член датской делегации. А потом – в Копенгаген. По-моему, в институте Бора не поверили, будто я пропадал несколько недель из-за какой-то конференции. Американец Шелдон Глашоу, снимавший комнату по соседству со мной, сказал: «А мы решили, что ты уже в Сибири».

Кто мог тогда предположить, что вскорости я добровольно уеду в Сибирь, и там будет построен институт, который по духу, по свободе общения напоминает институт Бора!